

Х. К. Андерсен педантично вел дневник с 1825 года до своей смерти в 1875 году. В 1834-м, когда он вернулся домой из Италии, его регулярные записи неожиданно прервались на полгода.

Никто не знает почему.

Действие этого романа начинается в тот день, когда Андерсен прекратил писать.

Часть I

* * *

13–18 сентября 1834 года

Глава 1

Он ненормальный. Нормальные мужчины срывают с нее одежду. Нормальные мужчины помыкают ею. Нормальные мужчины расстегивают брюки и дают ей посмотреть, что в них, в надежде впечатлить ее. Нормальные мужчины настолько устали, пьяны и возбуждены, что толком не смотрят на нее, не знают, что ее зовут Анна, что у нее есть шестилетняя дочь по имени Крошка Мари, которая жила у своей тети в соседней комнате. Нормальный мужчина не думал о ней как о живом человеке, для него она не более чем мягкая щелка.

Но этот посетитель был ненормальным.

Он никогда не раздевается, не толкает ее и не показывает, что у него в брюках. Он не богат, но и не беден, может быть, еще студент. Она, кажется, слышала, что он поэт, хотя он мало разговаривает. Она знает только его фамилию, Андерсен. А еще он очень опрятный, и от него хорошо пахнет. С последнего визита он отпустил усы, и Анне он показался более мужественным. Но Анна не осмеливается произнести это вслух. Ему за двадцать пять, может быть, и еще больше, сложно сказать¹.

Он садится на скамью у стены, достает ножницы и цветную бумагу. Ему нужно только это. Он смотрит на нее и сно-

---

¹ Ханс Кристиан Андерсен родился 2 апреля 1805 года, следовательно, на момент написания романа ему было двадцать девять лет.

ва принимается за вырезку с ее изображением. Еще один быстрый стеснительный взгляд больших глаз, и опять за ножницы и бумагу. Он сидит, полностью захваченный работой. Маленькие обрывки бумаги падают из-под ножниц. Они вертятся во все стороны, рассекая бумагу так ловко, как Анне еще в жизни не приходилось наблюдать, даже у дяди-портного.

Она удивлялась тому, как легко он находил красоту и отрезал все остальное. Оставался лишь тончайший бумажный силуэт Анны с распущенными волосами и естественными формами. Исчезло все уродливое наследие ее многочисленных клиентов, каждый из которых оставил свой след в глазах Анны, не было давно потерянного переднего зуба, морщинок беспокойства на лбу, беспокойства за Крошку Мари, за ее жизнь, за то, сможет ли Анна дать ей больше, нежели досталось ей самой.

Бывает, что Андерсен просит ее о чем-то особенном. Не могли бы вы поднять руки повыше к потолку? Не могли бы вы поднять ногу, как балерины в театре? И она это делала. Или пыталась сделать. Он платил ей так много денег, что она сделала бы для него почти все что угодно. Но он не хотел, чтобы она снимала юбки, и не хотел смотреть на то, что под ними, только на красоту ее груди и силуэта. Она спрашивала у него, не хочет ли он, чтобы она сняла последний небольшой, но решающий предмет одежды? Нет, определенно нет. Молли, младшая сестра Анны, сказала, что ему, наверное, не нравятся женщины. Молли говорила, что нельзя доверять мужчинам, которые не пьют и не ложатся с женщинами. Зато можно было гордиться тем, что мужчины, которые пьют и ложатся с женщинами, иногда делали тебе больно. Таковы все мужчины. Анна потянулась, выставляя перед ним свою грудь и положив руки на тонкие бедра. Он изучающе смотрит на обнаженную белую грудь Анны, которая чуть покачивается. Снаружи, на улице, раздалась песня сторожа: «Девять часов, и все покойно». Это всегда один и тот же служака, следивший за

УБИЙСТВО РУСАЛКИ

порядком в своем округе. На улице Улькегаде¹ был нужен сильный околоточный, умеющий разнимать драки между пьяными матросами, дотащить одноногого вора до Суда, навести порядок во всем этом хаосе. В так называемом «хорошем» конце улицы людям уже разрешили сменить название. Словно все грешники соберут вещи, встанут и уйдут только из-за того, что Улькегаде вдруг станет Хольменсгаде².

— Ой, — промолвил Андерсен и отдернул руку, кровь из пораненного пальца закапала на пол.

— Разрешите вам помочь, — сказала она, пытаясь подойти поближе.

Он, кажется, немного испугался и принялся посасывать раненый палец.

— Нет, нет, — воскликнул он.

— Но у вас кровь.

— Я должен идти, это слишком, слишком, — пробормотал мужчина, несчастный, как ребенок.

— Вам нужно домой к семье? — спросила она, быстро одеваясь и представляя себе высокого худого мужчину и его бледную, красивую жену с детьми у каждой груди.

Он не ответил, только поднялся и убрал вырезки в кожаную папку. Его кудри доставали почти до потолка. Он был очень высоким и напоминал одну из мартышек, которых Анна видела в зоопарке в Дюрехавсбаккен.

— Это вам за беспокойство, — произнес он и протянул теплую монету в ее руку. С монеты упала капля крови. — И за ваше доверие, — добавил он.

Она кивнула, но почувствовала, что нужно еще сделать книксен.

---

¹ Улькегаде — улица европейских керчаков (вид рыбы, подвид бычков). В современном Копенгагене — Бремерхольм, улица, занятая различными магазинами. Ханс Кристиан Андерсен одно время также жил на этой улице.

² Хольменсгаде — улица на холме.

— Можно я посмотрю? — спросила Анна к своему удивлению. Она никогда ни о чем не просила своих посетителей.

Андерсен тоже удивлен, даже поражен.

— Посмотреть?

— На себя, — промолвила она и указала на кожаную папку, которую он сжимал своими длинными пальцами, как добычу когтями.

— В следующий раз, в следующий раз. Я не закончил, еще не готово, — говорит Андерсен. — Но это не из-за вас, не из-за вас, это из-за меня.

Он открыл дверь и выглянул в коридор. Как большинство ее гостей, он не желал встретить здесь кого-то из других мужчин, зашедших в этот дом. Он быстро попрощался. У него не было цилиндра, как у благородных господ, только простая мягкая шапочка из черного шелка, которая ему, похоже, мала и которая была безусловно куплена за границей, возможно, во Франции. Анна смутно припоминала одного французского посетителя, зашедшего к ней много лет назад. У него был такой же головной убор, и заплатил он устаревшими французскими банкнотами.

Андерсен наклонился, чтобы не задеть головой дверной косяк, и исчез. Звук шагов по деревянному полу стих вдалеке.

Анне стало легко на сердце, худой поэт был ее последним посетителем на сегодня. Она может сходить к Молли. Анна надеялась, что Крошка Мари уже спит.

Она надела платье и собрала обрезки бумаги. Они засыпали весь пол, как большие снежные хлопья. В одном из них она узнала грудь, в другом ногу. Иногда Андерсен бывал недоволен и начинал все сначала.

Анна положила монету себе в кошелек и начала думать о супе с капустой и солониной, который подавали на углу улицы за шесть скиллингов.

В дверь постучались. К этому звуку она никогда не привыкнет, к звуку нового посетителя, нового отвратительно-

го мужчины, который будет засовывать везде свои пальцы, умываться ее мочой, шлепать ремнем по спине. Обычно гости называют ее по имени, но сейчас снаружи было тихо. Может быть, это вернулся тот поэт. Наверное, что-то забыл.

— Это вы, господин Андерсен?

Ответа нет. Вместо него снова неритмично и беспорядочно постучались. Она приложила ухо к двери и услышала, что там кто-то есть. Она могла открыть и сказать, что сегодня уже закрыто. Но деньги, им нужны деньги, чтобы купить трактир. Анна и Молли хотели купить «Пещеру Иуды» в Хедриксхольме, в часе ходьбы от городской стены в Вестерпорте. Это не самая красивая гостиница в Зеландии, но туда часто заезжали путешественники, и у нее была хорошая репутация, потому что предыдущие его хозяева никогда никому не отказывали. Неважно, кто там будет спать. Даже сам Иуда, предатель Сына Божия, и тот получил бы на ночь кровать с соломенным матрасом и кружку пива, если бы нашел в кармане монету. К тому же это единственное заведение, которое могли купить Анна и Молли. Женщины не могли иметь такую собственность, но хозяин согласился отписать трактир покойному отцу Анны и Молли по купчей. Они уже внесли платеж в сто ригсдалеров¹, который накопили вдвоем за полгода. И Анна, и Молли готовы были принять любого, кто стучался в дверь. За редкими исключениями.

Она должна открыть.

В свете масляной лампы под потолком Анна увидела молодую женщину, опрятно одетую, в красивом платке. Она не из тех, кто обычно приходит в этот дом. Отнюдь. Может быть, она потерялась? Может, ищет своего мужа? Это не

¹ Р и г с д а л е р (королевский талер) — крупная монета, ходившая в Дании в XVI–XIX веке. В одном ригсдалере было девяносто шесть скиллингов.

супруга ли господина Андерсена, если таковая вообще существует?

— Чем я могу помочь? — спросила Анна.

— Разрешите, фрёкен Хансен? — тихо спросила женщина и указала в комнату Анны.

Женщина красива, как будто только приехала из Парижа. И Анна предпочла бы избежать разговора здесь, где их может кто-нибудь услышать. Есть пара проституток, особенно София, или Сосифия, как ее называют солдаты, у которых так мало посетителей, что иногда они просто лежали и подслушивали, что происходит в коридоре. Анна открыла дверь и отошла на шаг в сторону.

Женщина быстро проскользнула внутрь. Осмотрелась в комнатухе, подошла к окну, опустила штору, хотя она уже была задернута. Анна ожидала чего-то подобного. Это была обычная нервозность гостя, страх, что его увидят в доме терпимости.

— Вам нужна компания? К сожалению, у меня есть только четверть часа, — сказала Анна и встала у двери. Пару раз в год у нее бывали посетительницы-женщины. Против этого она ничего не имела. Они пахли лучше, чем мужчины. И не так лезли в душу. Но они очень стыдливые, хотя желали только, чтобы их осторожно потрогали и погладили, а иногда немного пощекотали. У мужчин же обычно совершенно нет никакого стыда. Они громко говорят, они жестоки и грубы, как будто ты скотина перед забоем.

Женщина стояла в тени масляной лампы. Она прошептала:

— Покажите грудь.

Анна не дура.

— Восемь скиллингов, — ответила она.

— Я дам вам пять ригсдалеров, — проговорила женщина.

Снова шепотом.

Пять ригсдалеров. Это было целое состояние. Они станут как никогда близки к тому, чтобы купить гостиницу.

УБИЙСТВО РУСАЛКИ

— Я не хочу остаться в изорванной одежде, — вымолвила Анна, вспоминая, как в последний раз богатый клиент вздумал, что ему можно делать все, что заблагорассудится.

— Об этом можете не беспокоиться.

Анна ослабила корсет и спустила бретели на платье на плечи, так что стало видно грудь. Женщина смотрела на Анну. Мерила ее глазами, ее талию и особенно грудь, как мясник измеряет коровье вымя на скотном рынке у площади Святого Николая.

— Пойдемте в мою повозку, она здесь, на углу.

— Извините, фрау, я не могу пойти. Это...

Женщина прервала ее, приложив палец к губам Анны:

— Вы получите деньги вперед.

— Меня ждут.

Анна обычно не говорила это. Но женщина наверняка ее поймет, поймет ее положение.

— Я заплачу больше, если вы пойдете со мной, — пообещала женщина и показала Анне настоящую банкноту. Ей никогда еще не платили банкнотой, разве что тот француз. — Она будет вашей, если вы пойдете за мной, — прошептала женщина. Ее голос у самого уха Анны, совсем близко и тепло. Анна хотела, чтобы ее заманили. Им были нужны деньги. Она посмотрела на дверь в комнату сестры, там, где спала Крошка Мари, пока Молли не смыкала над ней глаз. Анна и Молли дали друг другу непреложное обещание, что они никогда не выйдут на улицу с посетителем. Никогда и ни за что. С проститутками на улицах столицы случаются ужасные вещи, а околочным и полиции до этого никакого дела нет. Убить проститутку ничего не стоило. Здесь, в доме терпимости, женщины следили друг за другом. И всегда приходили на крики о помощи.

— Извините, — прошептала Анна. — Я не могу. Мне нельзя.

Женщина отвела взгляд, она начала раздражаться.

